

Петр Леонтьев

ДОРОГА В РАЙ

Петр Леонтьев

Дорога в Рай

«Издательские решения»

Леонтьев П.

Дорога в Рай / П. Леонтьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514163-7

Книга «Дорога в Рай» рассказывает на примерах действительной жизни о судьбе мальчика, в результате жизненных и военных передряг попавшего в Прочноокопский детский костно-туберкулёзный санаторий; о мужестве медперсонала, спасавшего детишек, попавших в оккупацию после эвакуации санатория из Геленджика на восток. Подлинные события жизни санатория переданы автором объективно.

ISBN 978-5-00-514163-7

© Леонтьев П.
© Издательские решения

Содержание

«Не для меня»	6
«Малая земля»	8
Дорога в Рай	10
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дорога в Рай

Петр Леонтьев

© Петр Леонтьев, 2020

ISBN 978-5-0051-4163-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Не для меня»

Странно, что впервые я услышал эту песню в Прочноокопском детском костно-туберкулёзном санатории имени Н. И. Пирогова, где лечился с марта 1945 года, т. е. с года окончания войны, до августа года 1950-го. Пела её Александра Яковлевна, учительница начальных классов, пела с душой, как грустный романс, но вовсе не как разудалую казачью песню, как слышу сегодня. Удивительный была она человек, тонкой культуры. Тогда, десятилетним мальчишкой, я, конечно, не мог оценить её достоинства по-настоящему, но нас, детей, очень впечатлял её проникновенный голос, тихий, выразительный, с чёткой дикцией, с правильным произношением слов. В палате, заполненной больными, лежащими детьми, где было душно, где кровати разделялись тумбочками, где слышен был каждый вздох соседа, а порою дети раздражали друг друга надоедливостью; где неприятное тебе лицо торчало перед тобой месяцами, и хотелось крикнуть ему какую-нибудь гадость, плюнуть в него, так как достать кулаком не было никакой возможности (палки и всякие лишние твёрдые предметы, которые можно было бросить, изымались) – в такой палате и с такими несчастными, но не понимающими своего несчастья, порою унылыми или обозлёнными, детьми не только находиться, но и ответственно работать, по пути воспитывая, было, ох, как нелегко! Особенно это трудно было, потому что в санатории, когда я туда попал, не было ни электричества, ни простых детских развлечений. Всё заменяло человеческое душевное тепло, нежные руки и слова нянечек, сестёр и учителей. Ни лишней конфетки, ни яркой игрушки. Взамен – тряпочки, кусочки газет, какие-то палочки, даже щепочки. Из них работники умудрялись делать разные игрушки. Всё менялось, вновь разменивалось. Из суконных одеял дети вытаскивали, на беду сотрудникам, суровые нитки, плели шнуры и даже тайно плётки, исхитрялись как-то развлекать себя по-своему. Повторяю, как важно было не только лечить, но и просто не растеряться в таких, казалось бы, непреодолимых условиях и ситуациях этим, в основном, молоденьким и обездоленным военными условиями девушкам, порою просто девочкам, не расплакаться, не разбежаться, а собрать себя в кулак для действий. Недавно знакомая мне женщина, лечившаяся в этом санатории в то же время, что и я, сказала, что, пролечившись два с лишним года, выписывалась оттуда со слезами, дома просила отца отвезти её к подружкам, чтобы пообщаться с ними и с милыми нянечками и сестричками.

Были несколько человек в санатории, которые пользовались особым авторитетом. Среди них – главный врач Федосеева Екатерина Николаевна и учительница Александра Яковлевна (фамилии не помню). Первая вызывала трепетное уважение, вторая заменяла мать.

Александра Яковлевна пела. Не только романс «Не для меня», но и другие романсы и песни. Ходила по палате, наклонялась к детям, иногда что-то шептала, какие-то весёлые стихи, потом читала вслух, и всё так выразительно, что казалось, что говорит она с каждым в отдельности, и каждый ребёнок для неё родной, и у каждого ребёнка сердчишко раскрывалось цветочком от такого тепла, тепла материнского, до невозможности желанного. Я не помню, уходила ли она когда-нибудь, а если и уходила, то это как-то не замечалось, потому что то, что она оставляла после себя, надолго задерживалось в сердце, в душе у всех и согревало долго.

С Екатериной Николаевной я познакомился при поступлении. Мне понравилась она при разговоре с мамой. Но мог ли знать и предполагать, с каким человеком я, ничтожный, только начавший жить и попавший в беду мальчишка, оказался рядом? Я благословляю свою, посланную мне Богом, болезнь за то, что она свела меня с подобными людьми, кто помог мне многое осознать и понять и вооружили меня для дальнейшего пути после выписки из санатория. Я не болел в санатории, а жил, впитывая столько добра и всякого смысла, что этого хватило мне на всю мою жизнь. Я благословляю этот намоленный, великий исторически пятачок земли, где можно целовать каждый сантиметр следа этой двухвековой Прочноокопской истории, любить

и оберегать для будущего и потомков. Земля Суворова, гордого казачества, пропитанная духом декабристов, Лермонтова и Пушкина, земля победителей в Великую Отечественную войну, земля героев самого Прочноокопа. Самоотверженные работники санатория вполне соответствовали духу этой истории. Одно то, что, по рассказам, во время бомбёжек они ползком добирались до работы в период оккупации, делало их героями. Детей же во время бомбёжек раскладывали вдоль стен на полу. Возможно, наивно, но сердечно.

Армавирские, прочноокопские, краснополянские места, политые горем и кровью... Каждая из молоденьких нянечек и сестричек была лишена нормальной человеческой судьбы, каждой касались слова незабываемого романса «Не для меня». У каждой из окружавших нас девочек была не просто жизнь, а война, не только за себя, но и за нас. Смахивалась слеза при входе в палату, слеза после проводов очередного гробика, и место её занимала улыбка, без слов, потому что горло было перехвачено спазмом подавленных рыданий. Надо было не показывать вида. Но дети постарше, начиная с моего возраста, кое-что понимали и видели. Из воздуха ловили информацию: сегодня опять Зорька повезла...

«Не для меня»... Это касалось и детей. Но надо было жить. И все улыбались...

«Малая земля»

*«Лицом к лицу лица не увидать.
Большое видится на расстоянье»*

С. Есенин

Меня воспитывали атеистом, но сегодня я хочу верить в Бога. Чтобы помолиться. За этих тётенек и девочек в белых халатах. За этих Ангелов. Если я и верил когда в Землю обетованную, то именно сейчас, вспоминая в год семидесятипятилетия победного окончания той ужасной, античеловечной войны, ужасной для моего народа и для нас, детей, внутри этого народа, – вспоминая жертвенные глаза нянечек и сестёр. И если когда и верил я в Коммунизм, то именно тогда, когда наблюдал и чувствовал к себе бескорыстную любовь, высокую духовность, и вот тогда в душе моей как-то воедино слились вера в рай на Земле и на небе. Я не рассуждал, хотя всё вокруг было очень политизировано. Мне не надо было объяснять, что такое хорошо и что такое плохо. Я видел чётко перед собой примеры «ХОРОШО».

Повторяю, я, десятилетний мальчишка, не мог тогда оценить по достоинству этих людей. И вот теперь, на расстоянии семидесяти пяти лет, с тоской вглядываюсь в прошлое, кляня себя за то, что не сберёг в памяти имён, а порою и образов их. Сохранились некоторые фотографии. Но есть огромное желание вспомнить и написать об этих людях, описать некоторые факты, события – неважно, понадобятся ли кому-нибудь эти воспоминания. На территории санатория «Голубая бухта» в Геленджике установлен памятник военной медсестре. В Прочноокопской я бы поставил такой же памятник. Здесь тоже проходила линия фронта. Борьба за жизнь детей и сотрудников, эвакуированных из Геленджика на восток, подалее от немцев, а попавших в оккупацию. В тридцати километрах от Геленджика горела земля под Новороссийском, там был маленький пятачок Малая Земля, которую грудью отстаивали, в том числе, и отряды из Геленджика, а здесь, в Прочноокопской, горела земля под ногами врачей и медсестёр, всеми силами спасавших несчастных детей, которых немцы пытались взорвать вместе со зданием. Никак не понять было фашистам, отправившим в это же время около семи тысяч трупов бывших здоровых людей, отравленных выхлопами газовых камер на колёсах, в противотанковый ров в хуторе Красная Поляна и 525 евреев в противотанковый ров на территории кирпичного завода Армавира, – не понять было этим фашистам, зачем было возиться врачам и медсестрам с больными детьми? Взорвать их – и дело с концом! Кто может сейчас рассказать, какие чувства испытала главный врач Федосеева, уговаривая немцев не взрывать санаторий? (Как сложилась её судьба?)

Ходили слухи, что она скрыла от немцев, что дети больны туберкулёзом, говорила, что они просто с травмами, иначе фашисты безусловно исполнили бы свой страшный замысел. Во-вторых, раненые немцы нуждались во врачебной помощи, что, может, делало их более лояльными. Наконец, личность Екатерины Федосеевой. Получившая медицинское образование в Швейцарии и знавшая несколько языков, в том числе немецкий, Екатерина Николаевна наверняка покоряла своим интеллектом немецких офицеров и могла оказать на них некоторое влияние. При отступлении немцы уже минировали санаторий, полагая его взорвать вместе с детьми, но Федосеева как-то уговорила их задержаться со взрывом. Наступление наших войск заставило немцев срочно бежать, и взрыв не был осуществлён. Дети были спасены. Находясь в санатории, я слышал, что партизаны, узнавшие о замысле немцев взорвать санаторий, буквально ворвались в Прочноокопскую, опередив наши регулярные войска, и тем предупредили взрыв. Об этом я слышал от молоденькой нянечки, с ласковым прозвищем Казачка. Она играла большую роль в моей жизни в период моего нахождения в санатории. По рассказам,

некоторых, особенно ослабленных, детей поместили у местных жителей, спрятав от немцев. Бабушка Казачки взяла к себе самого несчастного из всех – мальчика Колю.

Я рос и развивался в санатории без отрыва от событий в стране. Подробнее я буду писать об этом ниже, но в данную минуту не могу не сказать, что главное событие мая 1945 года – это, конечно же, Победа. Помнится прекрасное утро, солнечное. В распахнутые окна врвались радостные крики, звуки гармони, песни, ружейная пальба. Врачи, сёстры, нянечки обнимались, целовали детей. Был праздничный обед. Другое событие – это электричество. Сначала это был тракторный движок, переменное освещение. Потом ещё: в санатории появилась полуторка. Явно фронтовая, но для нас она стала очередным праздником. Покрашенная в зелёный цвет, она казалась нам красавицей. Весело тархтела она за окном. Жизнь в санатории становилась веселее. Потом к нам приехало кино. «Кубанские казаки». С огромным чувством надежды на лучшее читали мы книги Бабаевского «Герой Золотой Звезды» и «Свет над землёй». «Будет и на нашей улице праздник!» Я не просто верил в эти слова, но и видел этот праздник в лицах окружающих меня людей. Детей держали в курсе событий. И я с обидой узнал, что книги Бабаевского и фильм «Кубанские казаки» обвиняли в преукрашателстве жизни. Ну, и пусть! Пусть даже и сказка. Но она отражала наши надежды. Нам легче, веселее было жить.

Много чего ещё происходило вокруг. Я совсем порою забывал о том, что болен. Я всей душой верил в Коммунизм. Я ни капли не сомневался в этом, потому что вокруг меня были и дышали вместе со мной такие прекрасные люди. Как всё преобразилось с окончанием войны! Страна возрождалась. И мы, дети, вместе с ней.

Недавно, осенью 2018 года дочь моя Катя посетила, по своей инициативе, Прочноокопскую и с удивлением увидела заросшую дикими растениями руину. «Как в сказке о спящей красавице, – с горечью сказала она. – Дед, напиши воспоминания». И я устыдился. И вот сел. И пишу.

А совсем недавно узнал, что и руины нет. И ещё более утвердился в своём замысле.

Дорога в Рай

Если Рай – это место, где лечат душу, то Прочноокопский санаторий, точно, стал для меня таким Раем. Бедная мама! Она совсем истрепала свои нервы, особенно за те полгода, которые отведены были нам от определения моей болезни случайным профессором в Александровске-Сахалинском до прибытия нашего в Армавир-Краснодарский. Летом 1944г. двухмесячное ожидание в гостиничном номере отправки грузового судна из Александровска во Владивосток не прошло для нас даром.

Мама тогда вновь заболела и попала в больницу. а я не терял времени: связался с ватагой уличных мальчишек, с которыми очень даже весело и продуктивно проводил подаренные нам божьи деньки. Я стал забывать молиться о благодарении за посланный мне новый день утром и так же беззаботно ложился спать, забросив куда-то свои «чётки» грехов. Немного спасала положение моя сестра, но, хотя она и была на десять лет старше, но всё равно была для меня просто «Муська», и нас разделяла глубокая траншея взаимного непонимания. Пыталась она «воспитывать» меня ремнём, но для этого у меня были слишком быстрые ноги. «Вот скажу маме!» – в сердцах говорила Муська. Это был знак того, что она сдаётся. Муська в изнеможении садилась на стул, и я, следя одним глазом за ней, скользил к двери. Дальше, она просто устала от меня, а потом, случайно познакомившись с моей ватагой, даже прониклась к этим весельчакам и их шалостям и бросила заниматься моим воспитанием.

Вообще-то ничего плохого в мальчишках не было. Просто они, как могли, добывали себе на пропитание.

– Эй, ты! – крикнул мне вожак Гришка, когда я впервые показался из гостиницы в своих сандаликах и матроске. Это был излюбленный мой наряд для мамы. По её замыслу, я должен был стать моряком или священником. Я, конечно, мечтал о моряцкой форме, а не о затасканной чёрной сутане.

На Гришкин крик я обернулся.

– Иди, пацан, сюда! Потолкуем.

Я сразу сообразил, что встреча эта не обещает мне ничего хорошего.

– Ты чо, трусишь? Иди, всё равно подкараулим, тогда уж... Сам знаешь.

Пятеро насупившихся пацанов не обещали ничего хорошего. Я осторожно подошёл. Гришка выпросил, кто я, с кем живу. Ему явно понравилась моя чистенькая форма. В голове он что-то прикинул. В целом, Гришка выглядел солидно и чем-то даже располагал к себе. У него было широкое лицо и кошачьи зелёные глаза. Бросалась на рукаве чистой рубашки аккуратно пришитая заплатка. Он был одного со мною роста, но посуше.

Другие были мелкота, но внушали уважение своим решительным видом. Драться я не любил, да и не умел, действовал массой тела, толкался.

– Хочешь дружить с нами? Только будешь подчиняться мне.

В Хабаровске я рос дворовым мальчишкой, и предложение мне даже понравилось: было скучно одному в гостинице.

– Давай, – тут же, не задумываясь, согласился я.

– Тогда ты наш. Э, – обратился он к приятелям, – кто его тронет, видали?

Гришка выставил кулак. Чего только я не перевидал в этот день! Мы были и в порту, и на аэродроме, где стояли маленькие двукрылые фанерные самолёты, и много ещё чего другого. День закончился базаром. Подмели рынок, и мы кропотливо разбирали кучу, искали ягодки, которые потом сложили вместе и понесли мыть на речку. Гришка вызывал у меня всё больше уважения.

– Завтра у нас будет жареная рыба и лягушачьи лапки, – объявил он при расставании.

Назавтра все явились с консервными банками, а я с Муськиными трусами. День был солнечный, и мы весело проводили время на маленькой речке. Гришка принёс марлю. Мы стали ловить мальков, которых было множество. Поймать что-либо трусами у меня никак не получалось. Мне дали другое задание: ловить лягушек. Уже сама мысль о том, что ждёт этих замечательных для меня животных, приводила меня в уныние. Как это, убивать эти милые существа, раздирать их?.. Я почувствовал тошноту и неприязнь к компании. Сказал, что болит живот, и убежал домой. Гришка понял что-то, но удерживать меня не стал. На следующий день ватага вновь собралась у гостиницы.

– Как живот? – весело спросил Гришка, увидев мою жизнерадостную физиономию. Я спохватился и сделал страдальческое лицо. Все засмеялись.

– Ладно, – важно произнёс Гришка. – Сегодня мы пойдём в кино. Придумай, как отвлечь билетёршу, а мы незаметно проползём в зал. Потом и тебе поможем. Сегодня показывают «Она защищает Родину». У-ух, какое кино!

Все разошлись, договорившись встретиться у кинотеатра в 12 часов. Долго думал я, как отвлечь билетёршу, и придумал.

Толпа в кинотеатр была огромная. Все пацаны пришли и толклись со стороны входа в зал. Билетёрша была толстая, крикливая, на вид сердитая. Я, признаться, здорово трухнул. Но на меня смотрели выжидающие Гришкины глаза. И я решился. Я подобрался к билетёрше сзади и легонько ткнул патефонной иголкой в зад. Такого, на уровне поросычьего, визга я никак не ожидал. Очередь мгновенно смешалась, так как всем было любопытно посмотреть, что же произошло. Я рванул бежать, но продраться сквозь толпу было невозможно. Тогда я пригнулся и хотел проползти между ногами. Здесь меня ногами и зажали, схватили за ухо и представили билетёрше. К удивлению своему, я увидел на лице её не злость, а, скорее, скрытую усмешку.

– Вот здесь стой и не вздумай бежать. В милицию сдам.

Она зажала мою голову под мышкой и проверяла в таком положении билеты. А я смиренно стоял, так как бежать и не думал, боясь милиции. Кончив проверку билетов, билетёрша заглянула в зал. Там начинался фильм. Нигде Гришки с его командой не было.

– Да там они, между стульев спрятались, – махнула билетёрша рукой. – И Гришка твой. Видела я их. Это он ведь тебя подучил, паразит? Где он тебя, такого, отыскал? Ладно, кино очень уж хорошее. Садись на пол перед экраном, посмотри. Может, поумнеешь. Но потом подойдёшь ко мне.

Фильм, в самом деле, был прекрасный. Местами страшный, особенно когда героиня мчалась за фашистом на танке и задавила его, мстя за убитого им сына. Я обо всём забыл и с удивлением увидел в конце фильма рядом с собой Гришку с друзьями. У всех у нас были на глазах слёзы.

Билетёрша, видимо, сознательно не заметила мальчишек, но я подошёл к ней.

– Ну, и откуда ты, такой, взялся? Что-то раньше я не видела тебя, – уже чуть ли не ласково спросила она меня.

Я, полный вины и доверия к ней, рассказал всё, как было: про маму, сестру, отца и про себя. Результатом было то, что после последнего сеанса, ещё днём, она зашла в гостиницу и познакомилась с моей сестрой. За чаем я узнал, что Гришкин отец погиб на фронте, а мать, совсем больная, работает почтальоном и едва сводит концы с концами, имея на руках, кроме Гришки, ещё двоих малышек.

– Ладно, приходите послезавтра, будет фильм «Радуга». Только проползайте не толпой, а поодиночке. Что уж с вами, горемычными, поделаешь?

После такого лихого исполнения задания я стал «в авторитете», и мне поручили более благородное дело: хлебный магазин. Я должен был пробраться к прилавку, где разрезали хлеб и лежали довески, и, схватив довесок, быстро сунуть в рот и убежать. Довесок этот должен

был быть разделён при встрече с друзьями на шесть частей. Первый раз мне удалось стащить довесок, но во второй – меня, видимо, заметив по моей матроске, схватила «противная» комсомолка возле самого прилавка. Она притащила меня в какой-то «комитет» и продержала до вечера. Гришка даже забеспокоился. Да, я был слишком приметен для воровства. Самому мне это дело не слишком нравилось, даже, можно сказать, вовсе не нравилось. И даже казалось противным. Но за компанию чего не сделаешь?..

А вскоре нам подвернулось новое дело. Хотя случай был очень печальный. Но об этом стоит рассказать.

Прошёл сильный дождь. Мы бежали мимо порта – куда, не помню. А может, ноги сами несли нас безо всякой цели. Дорога была грязная. Да нам-то что? Грязь – не грязь, лужи – не лужи. Уж такие мы были. И вдруг сбоку дороги, у придорожной канавы, обратил на себя наше внимание какой-то серый мешок. Дело необычное, и как тут пройдёшь мимо? Мы подбежали к мешку, и я тронул его рукой. И вдруг голову поднял солдатик. Мы, малолетки, потрясены были выражением его лица. Если бы в глазах его мы увидели слёзы, такое дело мы бы восприняли нормально. Но глаз не было, а была тусклая плёнка непереносимого страдания. Солдатик был совсем молодой, и мы почувствовали, что не можем оставить его. Он сидел на фанерной платформе, с маленькими подшипниковыми колёсиками, и, естественно, застрял и не мог двигаться.

– Куда Вам надо? – спросил Гришка.

Солдатик махнул рукой вперёд. Вот тут мы превратились в одну команду и в секунду повзрослели. Разом шестером со всех сторон подхватили солдатика с платформой и побежали. Да, мы побежали, потому что груз оказался очень лёгким. Недолго мы бежали, и солдатик остановил нас возле маленького деревянного голубенького дома. Он не в силах был говорить, только показывал рукой и мычал. Крылечко в две ступеньки мы одолели сходу и, толкнув дверь, внесли ношу в комнатку. Мать (а это была она) бросилась к сыну без слёз и без видимого отчаяния и стала тут же снимать с него шинель (наверное, его не раз уже доставляли похожим образом). Появилась в дверях девушка и, кинувшись к солдатiku, заговорила, как запричитала:

– Ну, что же ты мне не веришь? Любила я тебя и ждала. Зачем ты опять ушёл без меня?

Мы не стали дослушивать ни её, ни слова благодарности несчастной матери. Потрясённые, мы тут же разбежались по домам.

Случай этот имел продолжение. Но под совсем неожиданным ракурсом. Недавно я вдруг запел. Запел я громко впервые. До этого мы с мамой пели тихо. А вышло это так. В гостинице стояло пианино, и кто-то заиграл. Я, как бабочка, полетел на звук. Музыка я очень любил, особенно скрипку. Но петь... Правда, в Хабаровске во дворе я тоже пел, и даже на пеньке публично. Но как-то неосознанно. А тут мне предложили проверить слух и голос. Не знаю уж, почему. И я запел. И мне сказали, хорошо. Похвалили. И Муська при этом была. И вот я почувствовал с тех пор уверенность и пел везде и всегда. Так вот.

Однажды я в кинотеатре посмотрел фильм «Серенада солнечной долины». Сразу запомнил музыку. И пел громко и везде сам для себя. Без слов. И бежал я по рынку, распластав руки, как крылья самолёта, будто делая всякие виражи. На одном из виражей как бы случайно схватил у бабки несколько маленьких кедровых шишек и дальше, уже без пения и без виражей, изо всех ног помчался прочь. Вслед неслись крики «Хулиган! Хулиган!», – но это только мне придавало прыти и сил. Шишки, конечно, мы разделили, но бабка запомнила меня.

Уже не раз я слышал, бегая по базарной площади, игру на гармонии солдата без ноги. Баян никогда меня слишком не привлекал, но тут я услышал тихое пение. Песня была мне знакомая – «Золотой огонёк». Меня потянуло к музыке. Я даже забыл про «обиженную» бабку. С удивлением я увидел солдатика на платформе и его девушку. Он пел, а девушка тихо подтягивала. Картина так поразила меня, что я вмиг оказался рядом и, неожиданно для себя, громко и уверенно подхватил. Голос у меня оказался сильный, публика сразу обратила внимание. Я

пел всё, что знал, под баян и без баяна. Спел «Бродягу», «Вечер на рейде», «Дан приказ...», ещё что-то. Все смотрели на меня и не гнали. Я осмелел и как бы обнаглел.

– Смотри-ка ты, хулиган, а как поёт, – сказала «обиженная» бабка. В конце она подозвала ласково меня и дала несколько шишек.

Однажды Гришка дал нам задание собирать окурки. Мы уже давно пробовали курить, но тут была «акция»: мы должны были собрать табак для инвалидов. Где только не бегал я, в поисках окурков. Мы с Гришкой даже прибежали на маленький военный аэродром и стали ползать вокруг самолётов, ища в траве окурки. Впереди стояло маленькое строение, где находились лётчики. Нас, видимо, заметили. Окурков мы, конечно, в траве не нашли, но страху натерпелись, когда вдруг у строения открылась дверь, и вышел лётчик. За ним – другой. Оба направились к самолётам. У меня сердце ушло в пятки. Я прижался к земле.

– Надо подкачать, – сказал один, ударив ногой по колесу.

– Да ладно, – ответил другой. – Давай взлетать, – и крутанул винт.

Но первый пошёл к заднему колесу и как бы случайно увидел меня.

– А это что за балласт? – поддал он меня ногой. – Глянь-ка, а там второй валяется.

Нас за уши провели в домик и стали допрашивать, кто да что, как оказались на военном секретном объекте. Может, шпионы, так нужно с нами срочно разобраться, а, может, и расстрелять.

– А это что за ерунда? – спросили они, выворачивая из карманов окурки. Гришка сбивчиво стал объяснять. К удивлению, лётчики не рассмеялись, напротив, лица их посерьёзтели, когда они узнали про солдатика на платформе и инвалида с баяном. Они, оказывается, знали их по базару.

– А у меня дядя Миша тоже лётчик, летал на истребителе, а сейчас ранен, скоро приедет сюда, – вырвалось у меня. Лица у лётчиков стали совсем серьёзными.

– Ладно, хватит пацанов мучить, – сказал первый. Там был и третий, который вынул пачку махорки и подал Гришке. – Возьми, передайте вашим солдатикам, да больше не собирайте заразы. А вам, вот, галеты. А теперь – геть!...

Они выставили нас на крыльцо и дружно свистнули в два пальца. Мы рванули под их дружный хохот, как зайцы...

Как-то я увидел в гостинице девочку, до боли напомнившую мне Нелике, нанаечку, с которой дружил, проживая в низовьях Амура, в Нижнем Пронге. Это был ещё 1942 год. Много чего было связано с этим необычным местом... Вот эта история.

Начались наши с мамой военные скитания, когда из Хабаровска стали мигрировать люди, семьями, особенно с детьми, потому что стали исчезать продукты. Грозил голод. Вот тогда-то и стал исходить народ – кто на Сахалин, кто в низовья Амура, в рыбные места. Я слушал разговоры, даже ожесточённые споры своих родителей, доходившие порою до ругани. И, несмотря на конечное обоюдное их согласие, я активно был не согласен с решением покинуть Хабаровск, мой любимый город, где в одиночестве должен был остаться отец. Активность моя дошла до того, что я в те дни по-детски почти ненавидел свою мать. Однажды мама стала доказывать мне необходимость переезда в низовье Амура, но я толкнул её своим кулачишком, почти ударил, и она, от удивления раскрыв широко глаза, стала лихорадочно крестить меня, читая какую-то молитву и приговаривая: «Успокойся, сыночек, мы ведь вернёмся».

– Нет! Нет, нет! Мы никогда не вернёмся! Я не верю тебе! Ты предаёшь папу!

Отец на всю жизнь запомнил эту сцену и потом, много лет спустя, когда я стал уже взрослым, когда случился разлад наш с ним, повторял с горечью:

– Никогда ты меня не любил больше, чем в детстве.

Это была неправда. Любил и люблю, уже мёртвого, я с не меньшей силой, просто тогда моя любовь пронизывала меня с какой-то рефлекторной силой, и я превращался в пружину и не мог сопротивляться её физическому воздействию. Меня корёжило, и я не мог контроли-

ровать себя, и это можно было бы назвать безумием. Мать, конечно же, понимала моё состояние, но что она могла поделать? Так и прожила она со мною, таким, с этой минуты до времени, когда положила меня в санаторий. Плюс её энцефалит. Плюс мои необъяснимые никем боли по ночам с левой стороны живота, когда я крутился, и ничем нельзя было меня успокоить. Как тут не сойти с ума? И у неё от стресса началась депрессия. Но в войну это была не новость. С депрессией надо было мобилизовать себя и работать, работать...

А в Хабаровске в то время гудели сирены, летали непрерывно самолёты, окна вечером зашторены и светили синие лампочки. Днём мы во дворе играли в войну. Только если до войны «красные» дрались с «самураями», то теперь с «немцами».

И вот наступил он, этот чёрный вечер прощания с отцом на пристани. Белый пароход ждал нас, но я вцепился в отца и не мог оторваться, кричал что-то, и никто вокруг не знал, что со мною делать. Потом какой-то матрос схватил меня, оторвал от отца и понёс к трапу. Говорили, я укусил его. Но я ведь один задерживал рейс, и меня удерживали, пока судно не отчалило окончательно. И мне на всю жизнь запомнился фонарь на пристани и отец в свете фонаря, и такая тоска, от которой я потерял сознание. Потом я лежал в каюте, больной, не хотел есть суп с клёцками. Муся сидела в обнимку со мной, потому что мать уже ничего не могла. Не помню, сколько дней плыли мы до Николаевска, но половину пути я провёл в постели. Все боялись за меня. Но зато, когда я появился на палубе, сколько участия я получил от пассажиров, особенно от моряков! Именно это соучастие помогло мне быстро восстановиться. Я как-то быстро смирился с мамой, хотя в глубине души, конечно же, по детскому непониманию, осуждал её. Только время, медленно и неуклонно, вело со мною разъяснительную работу, путем укрепления моей души и сознания. В тот рейс я многое услышал про Ленинград, про блокаду, и с тех пор уже нигде и никогда не забывал об этом городе, всех расспрашивал, как там, в Ленинграде, воюют и живут. Мама мне постоянно рассказывала об этом городе, о важности его в истории России, почему немцы так рвутся в Ленинград и почему так важно отстоять его. Лозунг «Всё – для фронта! Всё – для победы!» я мысленно адресовал Ленинграду. И с этой мыслью прожил всю войну. Удивительное было состояние общества того времени. Как в магнитном компасе, стрелка мысли и чувства у всех, от мала до велика, в любую минуту и секунду была направлена на одно: на победу. О проигрыше в войне никто и не заикался. Мы победим! Это знали все.

В Николаевске я впервые услышал песню «Вечер на рейде». По дощатому тротуару шёл небольшой пионерский отряд и пел её. С первого слова я как-то весь встрепенулся. «Это про Ленинград», – сказала мама, и я сразу же впитал эту песню от первого слова до последнего. И потом уже с ней не расставался, пел всюду. Тихо. Про себя...

Небольшой катер «Гастелло» с весёлым тарыхтением вёз нас из Николаевска в Нижнее Пронге. Жора, матрос, с первой же минуты обратил внимание на сестру мою Муську и всё свободное время уделял ей, шутил и балагурил. Меня Жора к себе расположил, и я уже считал его своим другом. Амур в Хабаровске широк и красив. Правый берег, на котором располагается Хабаровск, крутой, высокий, с утёсом, на котором расположилась площадка, с балконными перилами, удобная для обозрения. Двухкилометровая ширина реки впечатляет. Открыт для обозрения левый, низкий берег, песчаный естественный пляж. Лодки, катера, пароходы... Смотреть – не насмотреться. Но 56-километровая косая ширь Амура от Николаевска до Нижнего Пронге просто ошеломила. Посёлок на самом берегу, скобкой окружённый таёжным лесом, был издали так весел, приветлив! И правда, стоило катерку причалить к маленькой пристани, тут же жители окружили его, радостно стали обниматься с прибывшими. И маму, и нас с Муськой встретили, как дорогих гостей. Тётянка, с девочкой моего возраста, взяла мамини вещи, и мы пошли к ней в дом. Главное, что сразу в посёлке бросалось в глаза, – это рыбозавод, с вывеской на воротах «Всё для фронта! Всё для победы!». Маму на этот завод пригласили работать начальником планового отдела. Но жилья не было. Вот мы и стали жить на квартире у тёти Аси (имя я сейчас придумал, потому что не помню, как и имени девочки.

Назову девочку Шурой). С Шурой подружился я моментально, ещё по пути домой. Муська смеялась: а как же Сара? Уже забыл? Но, во-первых, Сара осталась в Хабаровске; во-вторых, семья Сары куда-то переехала после смерти дяди Изи из нашего двора. В первые же дни проживания я перезнакомился со всеми детьми посёлка. Мальчишки как-то мне не приглянулись, а вот девочки... Я всегда любил проводить с ними время. Тихие игры в дом, с разноцветными бутылочными стёклышками, с пуговичками, ракушками, с тряпочками и куколками из тряпочек, размягчали меня. В голову не лезли шалости, обычные для меня. Мама подталкивала меня: «Поиграй, поиграй с Шурочкой и Неликэ». И уходила, спокойная, на работу. С девочками я мог спокойно играть целый день. Особенно мне нравилась нанаечка Неликэ. По-русски она говорила с милым акцентом. С раскосыми чёрными глазками, с чёрной косой... Я мечтал на ней жениться. Мне нравилось, что у меня будет тихая, со всем согласная жена. Нравился мне и отец её Николай (кстати, почти все мужчины в стойбище были Николаями). Один раз я был в стойбище и удивился тому, – как много в нём было собак лаек и вялилось красной рыбы на верёвках. Я любил вяленую рыбу, особенно тешу. В Пронге рыбу разрешалось ловить только нанайцам, остальным жителям посёлка лов рыбы был запрещён (всё для фронта!). Зимой Николай ездили на нартах. Жизнь этих весёлых людей мне очень нравилась. Нравился быстрый разговор, всегда о чём-то простом, понятном и очень нужном. Ничто не ускользало от их внимания. Меня отец Неликэ подробно расспросил, кто я, откуда, как звать, пожалел моего отца. В дальнейшем, когда мама получила комнату в двухэтажном доме, в переделанном и отремонтированном туалете, Николай с Неликэ стали часто посещать меня, и мы катались на нартах с упряжкой собак. Было очень весело. Он подарил мне маленькие, красиво расшитые торбаза и маленькие нерпичьи лыжи, на которых легко можно было взбираться в гору и лихо скатываться вниз. Иногда мы с Неликэ цеплялись палками с крючками за нарты и неслись по зимней дороге заледенелого Амура, проложенной санями в сторону Николаевска. До Николаевска было 56 километров. Ещё раз запомним это. Пригодится.

Интересного в посёлке было много. Например, когда мы прибыли в посёлок, вода была ещё тёплая, и местные детишки барахтались в реке от души. Некоторые, постарше, умели плавать. За них взрослые особенно беспокоились. И не зря: одного мальчика быстрое течение далеко отнесло от берега, и за ним снарядили специальную лодку.

Плавать я не умел, и мама принесла мне чурбак, чтобы я держался за него. Удивительно, что я не помню беспокойства её, когда я отплывал довольно далеко, разворачивался и вновь плыл к берегу. Я полюбил свой чурбак и всегда уносил его домой. Нравилась мне свалка обрезков жести за складом, из которых я, с помощью камня-«молотка», делал лодочки и самолёты. Но особенно я полюбил скалистый высоченный обрыв, где находилось кладбище. Вначале я боялся туда ходить. Поэтому ходил с группой. И всё равно было страшно. На кладбище было много малины, но есть её взрослые запрещали. Однажды я подошёл к узкой тумбочке и со страхом сбросил в неё камень. Камень глухо ударился, и я с воплем помчался прочь. Сначала я кричал от страха, а потом, пока бежал, будто забыл причину крика и кричал в своё удовольствие.

– Чего орёшь? – спросил меня встретившийся внезапно мужчина. – Испугался чего? Ты кто такой?

Я не мог ничего сказать и лишь сдавленно дышал.

Но глаза мужчины смотрели по-доброму. Он привёл меня в свой дом, который оказался рядом. Жена ему сказала:

– Да это сынок Антонины, плановика с завода. Разве можно ходить детям в одиночку на кладбище? Там ведь страсть такая. Да и бык красный там гуляет, может забодать. Да и медведь, и мало ли чего?

– Хватит пацана пугать. Всё это выдумки. А вот ходить туда, и в самом деле, не стоит. Тебе что, негде гулять? Вон какой посёлок. Гуляй себе.

– А это что? – ткнул я пальцем, совсем освоившись.

– А это баян. Хочешь, поиграю?

Я кивнул головой, и он заиграл. Я тут же вспомнил это звучание на пластинках. Дядя Саша (так назовём его) играл песни одну за другой. Некоторые («Бродягу» и др.) я знал и стал подпевать. Он тоже запел.

– Ну, завыли два волка, – добродушно проворчала жена. – Не напелся на зоне?

Дядя Саша за что-то отсидел срок. На «материке» у него была ещё жена, дети. Но из посёлка ему выезжать было запрещено, вот он и завёл жену другую. Он был настолько добрый, растекался слезами. За что такого хорошего человека посадили?..

Дядя Саша рассказал мне о Ване и Тане, детях-сиротах, которых я видел у пристани, когда мы приехали. Отец у них, моряк, погиб случайно в море. Мать, очень больная, вскоре умерла вслед за отцом.

Была бабушка, едва ходила. Кто-то предложил отдать детей в детдом, но весь посёлок возмутился: что, не прокормить всем заводом? И заводчане взяли малышей на прокорм и воспитание. Так и растут они, общие дети. Всюду их принимают, для всего посёлка они родные. Бабушка не нарадуется.

В посёлке много было эков, но все они были «свои». Никогда я не слышал, чтобы кто-нибудь сплетничал по поводу их. Они отсидели своё и жили теперь нормальной жизнью.

Заводская жизнь для всех, взрослых и детей, представляла один интерес. Поселковые новости разносились моментально. Если кто приболел, случилось что в семье, какая-нибудь нехватка, тут же бежали с помощью, сочувствием. Я лично испытал это на себе. Но об этом позже. А пока...

Нижнеамурская зима вошла быстро и внезапно, как вселенская кошка, белая полярная рысь. Она разлеглась белым снегом по всему видимому и невидимому пространству, расставила ловушки в таёжном буреломе, заложила их во льдах рек и водоёмов в виде трещин и полыней, заострила морозные когти, чтобы насквозь пронзять свои жертвы. Она нетерпеливо била своим пушистым хвостом по заледеневшему Охотскому морю, нагоняя бураны. По ночам низко над головой склонялись её огромные, во всё небо, бездонные глаза, высматривавшие несчастных, и в них шевелились яркие кровожадные звёзды, временами срывавшиеся метеоритным дождём. Она ждала глупца, который самонадеян, оторвётся ото всех или просто забудет осторожность. Жители Нижнеамурья хорошо изучили её нрав. Только вместе, сообща справлялись они с этой хищницей. Особенно заводчане. Ведь порою дома заносило до крыш. Вот тут на помощь спешила команда от завода. Прорыв траншеей к первому дому, освобождали от снега дверь, окна, потом, уже усиленной командой, шли к другому, третьему, и так, по цепочке, отрывали все дома. В особенно долгие сильные вьюги, не забывая навестить нуждающихся, ходили, хватаясь руками за натянутые от дома к дому верёвки. И ни у кого я не видел уныния.

И всё-таки удавалось коварной зиме кого-нибудь подловить. Это были, в основном, слабые или неопытные, как моя мама, люди. Она ушла на работу, когда с неба, красиво кружась, падали лёгкие, крупные хлопья снега. Была приятная погода, и она надела красивую лёгкую шапочку. Но к концу рабочего дня поднялась метель. Морозный ветер будто озверел.

Он поднимал в воздух и кружил выпавший снег, закрывая видимость и срывая всё, что был в силах поднять. Сорвал он и лёгкую мамину шапочку. Она улетела неизвестно куда, и маме пришлось пройти длинный путь до дома, так как возвращаться на работу было бессмысленно. Это был роковой вечер, с которого всё и началось. В следующий раз она пошла на работу в тёплом зимнем платке, но дело было сделано. Она простудила ухо, которое не долечила, в связи с отъездом, ещё в Хабаровске. Отец так и сказал мне позже: «С этого всё и началось». Следующую ночь она уже не спала. От её стонов и я не спал. Муська работала на заводе в ночную смену. Наутро мама пошла к фельдшеру тёте Наде, матери Жоры. Та признала воспаление среднего уха. Нужно было обратиться к специалисту, для чего необходимо ехать за шестьдесят

километров в Николаевск. Зимник по свежему льду пока не был проложен. Вот тут выручил нас Николай, отец Неликэ. Лёгкие нарты справились с дорогой, и мама была доставлена в больницу. Я остался один. Ко мне приходила бабушка со второго этажа. Как-то приехал сам Николай с Неликэ. Тогда-то он и привёз мне торбаза и нерпичьи лыжи. Мы с Неликэ прокатились на нартах по Амуру, а потом и на лыжах с горки, пока Николай делал закупки.

К моим печальным мыслям об отце прибавились и мысли о маме. Нелепый случай подвигнул меня к поступку, который едва не стоил мне жизни. Однажды я увидел в посёлке процессию. Везли гроб в сторону кладбища. Все понуро молчали. Сердце у меня в страхе забилося. «А кого везут?» – спросил я. «А мамку твою везём», – глупо пошутил один мужик. И тут произошло то, чего не ожидал никто, даже я. Меня просто бросило на гроб, я вцепился в него руками, никто не мог отцепить меня. «Мама! Мама!» – кричал я и не мог ни отцепиться, ни остановить крик. Побежали на завод за Мусей, но и ей я не верил, что мама в больнице в Николаевске. «Врёшь! Врёшь!» – кричал я. Мне насильно влили что-то противное в рот (наверное, валерьянку), чтобы успокоить. Потом я быстро уснул, и меня унесли домой. Думаю, тому мужику не поздоровилось.

Мысль об Николаевске крепко засела у меня в мозгах. Раньше я мечтал убежать к отцу, а тут мама в больнице. И я стал готовиться. Зимник уже открыли и опробовали первым выездом на лошадях. Потом второй, третий выезд, и уже была накатана дорога. Беги по ней – и добежишь до Николаевска. Потихоньку я собрал сухарей и, с сухарями за пазухой, в солнечный, прекрасный день, никому, естественно, не сообщив, отправился в путь по зимнику. Идти было приятно, особенно, когда, оглянувшись, видишь свой Пронге. Солнышко светило очень ярко. Всюду искрился снег и темнели торосы. На такой ледяной бугорок я и решил присесть и, как путешественник, попробовать сухарь. Это было спасительное решение, так как я, разомлев, тут же и призаснул. Спал я недолго, но, когда открыл глаза, увидел изменившийся мир. Ползли змейки снега. Посёлок за ними едва угадывался, но когда я ринулся к берегу, и вовсе пропал. Тут я с криком «Ма-а-ма!» побежал в предполагаемую сторону посёлка. Видимо, всё же я бежал в нужном направлении, так как услышал лай собак, и вскоре показалась упряжка. Нартами управлял Николай. «Пе-е-етька-а!» – кричал он. А когда увидел меня, схватил и сразу же заставил выпить какую-то неприятную жидкость, с которой в тело вошло тепло.

Но бедная моя сестра! Встретив, она и прижимала и била меня одновременно. «Ещё раз такое случится – умру! И мама умрёт! И отец! Как ты мог такое сотворить?» Я чувствовал себя полным негодяем. Я не мог произнести ни слова, тем более, в своё оправдание. Окружающие люди качали головами, жалея Муську и осуждая меня. Ведь Муська была одной из лучших работниц завода, её знали и любили.

Кто и как догадался, куда я пропал? Это был Жора. Он сразу связал мою пропажу со случаем на похоронах. Лошадь была отправлена в Николаевск, и Жора побежал к отцу Неликэ. Сообразительный нанаец сразу всё понял и отправился по зимнику на поиски.

Случилось ещё непоправимое. Узнав об этом случае, мама раньше времени вернулась домой, опять не долеченная. И злой рок будто наказал меня. У меня сильно заболел левый бок. Я крутился по ночам от боли, кричал. Мама совсем сходила с ума. Теперь меня отвезли в Николаевск. Предполагаемый аппендицит не подтвердился. Никто не мог предположить даже, что со мной. Боли прекратились так же внезапно, как и начались. Я снова был дома. Всё вроде уладилось, но тут отец стал требовать нашего возвращения домой. Не знаю, по какой причине, но мама выбрала путь в Хабаровск через Сахалин. Осуществить такое путешествие можно было только летом. Муся изготовила календарь в виде циферблатных часов со стрелкой. Мы его повесили на стенку, и мне было поручено следить за календарём и передвигать стрелки от месяца к месяцу.

Я сидел дома. Были сильные заносы, и по поселку ходили только взрослые на работу по специально прочищаемой траншее. Многие, у кого не было детей, предпочитали вообще

проводить время на заводской территории. Не знаю уж, как они там устраивались, но завод работал всю и, как говорили, перевыполнял план. От скуки я занялся мышами. Их в доме водилось множество. Бабушка со второго этажа приносила мне рыжего кота, но он годился только для игр. Мыши облюбовали в нашей комнате место за печкой. Там лежала сковородка, на которой они выплясывали и лизали её. Мне интересно было наблюдать за ними. В то же время во мне проснулся азарт охотника. Я брал швабру и выжидал подходящего момента. Но едва я замахивался, мыши мгновенно исчезали. Мне было и досадно, и сердце грело то, что мыши остались живы. Мне стало бы очень плохо от того, что моими руками убита была бы такая симпатичная мыш. Мне бы тогда не отмолиться. Котика за печку посадила бабушка.

– Ну вот, теперь мыши к вам приходиться не будут.

Добрая была бабушка. Но ещё добрее оказался котик. Он спал за тёплой печкой, а мышинная беготня рядом с ним и по нему самому его не беспокоила.

– Ну, Петька, ну вы с котом и охотники! – смеялась Муська. Однажды она принесла мышеловку и поймала мыш.

– Отпусти её сейчас же! – кричал я.

Но Муська только смеялась. Выйдя из себя, я ударил её по руке. Мышеловка упала, мыш отскочила в сторону, но не шевелилась. Она была мертва. Меня охватило неподдельное горе. Истерика. Мусенька пошла с виноватым видом со мной на крыльцо, и мы похоронили мыш в снегу. Сестрёнка просила у меня прощения, и долго с тех пор, когда мы ложились спать на общий топчан, я, лёжа между мамой и нею, поворачивался к сестре, мы обнимались, и она шептала мне в ухо ласковые слова, и я засыпал в её объятиях. У нас надолго установились нежные отношения. А до того я только вредил ей, и даже Жорины записки передавать не хотел.

По нашему календарю приближался Новый год. Все дети ждали подарки. Я очень мало уделяю внимание еде, видимо, потому, что привык есть то, что дали. И вкус пищи меня давно не волновал. Мама, ещё в пути от Хабаровска до Николаевска, когда мы ели только галушки и затерку, убеждала меня не обращать на вкус пищи внимания. Она много говорила о блокаде в Ленинграде, о голоде.

– Пища нужна человеку и зверю лишь для того, чтобы выжить, – примерно так убеждала она меня. – Затерка – это самая полезная для человека пища. Вода и хлеб. Этим кормил Иисус голодных. Это и его была главная пища. А вот когда человеку совсем нечего будет есть из знакомой пищи, тогда он сможет съесть все, что поддаётся жеванию. Чтобы создать ощущение сытости. Вот в Ленинграде. Там всё стараются использовать в пищу, чтобы выжить. Даже ремень и ботинки. А как их съесть? Много способов.

Как в воду глядела мама. Вскоре и мне довелось попробовать сыромятного ремня. Да ещё получить таким же ремнём по нижнему месту..

А началось всё вот с чего.

В тот день, в конце декабря, была метель. В метель мне хорошо спаслось, но среди ночи вдруг все проснулись от воя сирены. Стоило открыть глаза, как через окно в глаза бросился сильный свет пожара. Посреди посёлка полыхал склад. Я никогда не обращал особого внимания на это ничем не примечательное деревянное серое строение. Только за ним как раз и была свалка отходов жести, их которых я пытался мастерить разные поделки. Как воробьи, слетались сюда и другие мальчишки. Мы знали, что это склад, но всей важности его для посёлка и представить не могли. По сирене со всех сторон к складу бежали люди, кто с чем. Как ни старались, ветер мешал тушению пожара, и значительная часть припасов сгорела. Предположили сразу, что это был поджог, так как горело с нескольких сторон сразу. Место огородили, поставили сторожа – женщину с ружьём. Уже ночью, при свете фонарей, стали разбирать завалы гари и разбирали всё тщательно несколько дней. Муся сообщила мне, что подарков особенных теперь ждать в Новый год не приходилось. Но я понимал сложившуюся обстановку и совсем не удивился склеившимся фантикам конфет в подарке, горелому повидлу на праздничном

новогоднем столе. Хотя мама и Муся и работали на рыбном заводе, но полноценной рыбы мы не видели, а только хвосты, плавники и головы. И мама мне говорила, что это лучшие части рыбы, а кто не согласен, тот в рыбе просто не разбирается. Но в этот Новый год семьям выдали по одной консервной банке на ребёнка. Мы получили две банки. Мусю, хотя она и работала на заводе, посчитали тоже за ребёнка. Я сосал фантики, и, пахнувшие дымом пожара, они мне казались ещё вкуснее. И просил пососать маму и Мусю. Они будто отказывались, но видно было, что сосали с удовольствием. Всем вместе нам было весело.

Поджигателей искали. Говорили, им будет расстрел.

Пожар сильно ухудшил жизнь в посёлке. Очень плохо пришлось бабушке со второго этажа. Она из гордости отказывалась от помощи соседей, закрылась на ключ и никого не пускала. Однажды она спустилась к нам и принесла суп. В воде плавали мелкие кусочки чего-то непонятного. Это были сваренные кусочки сыромятной кожи. Бабушка с какой-то гордостью говорила:

– Я видала и ещё худшие времена. Ели и траву, и то, о чём и говорить постесняешься. А надо ведь жить – вот и ешь. Попробуй, Петенька, не отравишься.

Я попробовал совсем безвкусный кусочек ремня. Он поддавался жеванию, но я тут же выплюнул его в ладонь.

– Не буду есть! – грубо сказал я, и в тот же миг получил сильную затрещину от сестры. Бабушка охнула. Я рванулся к выходу, но Муська вцепилась в меня и стала хлестать откуда-то появившимся таким же сыромятным ремнём. Это было для бабушки слишком.

– Вот так угощение получилось! Мусенька, зачем же так? Ведь дитя неразумное.

Что такое накатило вдруг на сестрёнку? Я даже не успел обидеться. Лишь потом я узнал причину её настроения. Забирали на фронт Жору. В эти дни пришла повестка. Тётя Надя уже совсем считала Мусю «невестушкой», обнимала и целовала при встрече. Когда Жору увозили на санях, собрался почти весь посёлок. Муся и тётя Надя старались скрыть слёзы, потом вместе сели в сани и проводили Жору до Николаевска. Когда же, спустя несколько месяцев, пришла похоронка на Жору, в посёлке приуныли совсем. Ведь погиб любимец заводчан. Муся ходила, вся тёмная, а потом долго не являлась домой, работала до изнеможения. Мама в эти дни совсем будто выздоровела. Я сидел тише мыши. Весь превратился в ожидание отъезда. Но весна не приходила. А тут вдруг и дом мне стал совсем не мил: умерла бабушка со второго этажа. Я не мог смотреть на то, как её выносили. Но после того, как её вынесли, я услышал заданный язвительным женским тоном вопрос: «А куда у этой комсомолки пропал кот?» И я «выцеливал» эту тётку внутренним прицелом ненависти: предательница!! Такая могла и склад поджечь!

Я очень жалел эту бабушку. Для меня она была как святая...

Я ждал отъезда. За зиму я повзрослел и совсем перестал бояться кладбища. Ходил один на высокий скалистый берег и смотрел-смотрел на Амур. Ждал ледохода. Ледоход начался ночью, совсем неожиданно. Люди собрались и с радостью смотрели, как рушится ледяная преграда Амура, отгораживавшая Пронге от материка. Теперь будет судоходство, начнётся нормальная жизнь...

И вот в комнату не вбежала, а влетела развесёлая мама и, бросившись обнимать и целовать меня, закричала:

– Петька! Едем!!

Сборы были недолгими, но я прощался со всеми. Особенно жаль было расставаться с Неликэ и Николаем. В Николаевск мы ехали на кунгасе, зацепленном за катер. Я полюбил катер «Гастелло», но там не было больше Жоры. И я не слишком тосковал по этому, хоть и прекрасному, но как-то осиротевшему для меня катеру.

На этот раз Николаевск мне показался веселее: ведь я ехал к отцу.

Я заново удивился Амуру. Так как это любимая моя река, я скажу несколько слов о ней. У Хабаровска ширина Амура два километра, и то она впечатляет. Но у Николаевска Амур расширяется на шестнадцать километров, и просто подавляет своим размахом. Длина Амура около трёх тысяч километров. По величине бассейна это четвёртая река в России. В Амуре живёт 103 вида и подвида рыб (в Волге — 76). Лиман в конце своего устья Амур «нагло отвоёвал» у Татарского пролива, что пагубно сказывается на некоторых видах рыб, в частности, калуги (подвид белуги). Эта пресноводная рыба, длиной 4—5 м, иногда, при разливах Амура, когда пресная вода реки «наползает» на солёную воду лимана, начинает плодиться. Потом, при возврате речной пресной воды в русло, мальки оказываются в солёной ловушке лимана и гибнут. А взять ещё известные всему миру лососевые нерестилища? Рыба движется так плотно, что порою представляет собою «мост».

Флора Амура: ель, кедр, манчжурский орех, пихта, дикий виноград и многое другое. Я люблю эти места и в процессе нашего переезда на Сахалин наслаждался дикой, почти не тронутой природой.

По странному совпадению, в Николаевске я вновь встретил прошлогодний пионерский отряд. Снова звучала песня «Вечер на рейде». Но тут уж я не пропустил момента, пристроился в хвосте и пел песню со всеми.

Некоторые оглядывались и смеялись. Меня, конечно, удивляло и печалило решение мамы ехать не в Хабаровск, а на Сахалин, в какое-то Дербенское, но я понимал, что капризами ничего не добьюсь, и подчинился без скандалов.

* * *

Места, где мы кочевали в войну с мамой, имеют почти сокровенное значение для меня, и я не могу, не смею рассуждать на тему, что было бы правильным, а что неправильным решением мамы для всех нас. Что удерживало маму от возвращения к отцу в Хабаровск, осталось их тайной. Так ей было нужно. Но я не смею, как к святыне, прикасаться к этому своими домыслами. Если я что-либо, как мне кажется теперь, и понимаю, то всё равно отвергаю это понимание, как оскорбительное для меня же самого. Есть тайны, которые никто не смеет открывать, что бы там ни казалось. Табу! Грех!

Как-то выпало из памяти, каким путём мы прибыли в порт Александровск, но скалы Три брата особенно врезались в память мне. История о том, как три брата-нивха выкрали у чудовища Дэва похищенные им ключи от счастья и как злой Дэв превратил их в скалы, сильно повлияла на моё воображение. а маленький этот народ нивхи стал так же близок мне, как и нанайский. Я не забывал ни спасшего меня Николая, ни, особенно, Неликэ. Внешне нивхи и нанайцы для меня были схожи. Поэтому и девочку нивхочку, позднее встреченную в гостинице, я сразу остро воспринял за схожесть с Неликэ. Сердце защемило.

Если бы я был взрослым, то Сахалин я для себя бы сравнил с загадочным сфинксом. Зачем мы сюда приехали? Уже само ощущение временности приезда сюда окрашивало в цвет той же временности и деревянные постройки на базарной площади Александровска. Солнце здесь, мне казалось, светило, как отражатель. Я не видел ярких, сочных тонов, которыми восхищаются туристы. Всё здесь для меня в дни приезда было окрашено в цвет тоски по отцу. Даже удивительные рассказы про маяк на мысе Жонкьер, про туннель, который вырубали две группы каторжан, двигавшиеся навстречу друг другу и разошедшиеся внутри скалы из-за ошибки инженера, загадочная история про какую-то Соньку Золотую Ручку... Всё это меня не трогало. Сахалин остался для меня странным зигзагом, отдалявшим встречу с отцом. Запомнились маленькие кедровые шишки на рынке и ягода клоповник с привкусом клопов в начале поедания.

Но маленький период жизни, прожитый в Дербенском, оказался для меня очень значительным. Много, очень многое произошло из того, что повлияло на мои отношения с людьми и, даже, с *Богом*...

Но об этом позже.

Само село Дербенское не произвело на меня, уже поездившего и повидавшего, особенного впечатления. Оно было больше, чем Нижнее Пронге, но здесь не было Амура, не было романтической ауры, о которой я вдруг затосковал, вспомнив часы, проведённые на высоком скалистом амурском берегу, когда в солнечные дни наблюдал игру резвящихся дельфинов или медленное появление сначала кончика мачты, потом и всего корпуса корабля из-за горизонта. Куда плывёт корабль? Вот бы с ним... И вдруг появлялся маленький, юркий «Гастелло». Срываешься с места и скорее, бегом, к причалу. Моряки знали меня, особенно из-за Муси, подруги Жоры. Я занимал своё «законное» место «морского кота» на носовой части и валялся на чистой палубе, «загорал». Меня никто не трогал. Бывало, и прокатишься «с ветерком» куда-нибудь неподалёку. Любили меня и за песни, которые я пел без просьб, для себя, но не знал, что пел уже достаточно громко. Меня не хвалили, не заставляли петь. Я пел сам по себе, потому что мне это нравилось. Я в то время ещё не знал и не понимал, что такое голос. Все поют, значит, все могут это делать.

В Дербенском мама работала в сельской конторе начальником планового отдела. Это сыграло определённую роль в моём «статусе» в школе, куда меня определили вскоре. Сразу отмечу, что Муся училась в девятом, а я в первом классах. Сестра моя пользовалась авторитетом, и я тоже был принят как свой у мальчишек, без всяких предварительных «колотушек».

Жили мы на этот раз в одноэтажном длинном бараке. Там было несколько идентичных квартир: открываешь входную дверь – сени; открываешь следующую дверь – жилая комната. Позади барака обрывистый берег к речке, где брали воду. Зимой там была прорубь. Скат крыши был в сторону берега, зимой наметало столько снега, что крыша, вместе со счищенным снегом и с берегом составляла одну горку, по которой можно было лихо скатиться на санях или на лыжах. Это было здорово, особенно когда снег был такой скользкий, что можно было выскочить на высокий противоположный берег. На моих нерпичьих лыжах мне это удавалось часто. Я был «в фаворе» у мальчишек. О девчонках и говорить нечего.

Муся на этот раз взяла надо мною шефство. В наш приезд времени до школы оставалось мало, и она излазила со мною всё, что могло быть интересного в селе. Посетили мы лес, картофельное поле, где я поел растущих на стеблях «помидорчиков» – семян. Побывали на всех интересовавших меня свалках. В сравнении с Нижним Пронге, где валялись обрезки жести и ещё много чего интересного, здесь что-нибудь из чего-нибудь помастерить не удавалось. Стало скучно. Оставалось одно: искать компанию. До школы ещё достаточно времени, и я занялся барачными соседскими детьми. Это были три девочки, одна из них двухлетняя, другие были на год-два младше меня. Был и один мальчик, но какой-то слишком тихий и для меня не интересный. С ним даже подражаться нельзя было. Какой-то «маменькин сынок». С девочками играть было интереснее, и мы что-то лепили или «готовили» из глины. Я научил их, как есть конфеты без конфет или что-нибудь вкусное, вызывая нужный вкус (например, колбасу или печенье). Надо просто с закрытыми глазами дожидаться, когда рот наполнится слюной со вкусом желанной пищи и медленно, по малюсенькому глоточку, смакуя, глотать, испытывать наслаждение и не двигаться. Не сразу приниматься за новое блюдо. Немного подождать. Далее, представив предмет вождения, заполнить рот и желудок новым вкусом, расслабиться и повторить то же самое. Однажды мама одной из девочек зашла, когда мы таким образом «медитировали». Узнав, что мы едим «шоколадные конфеты», рассмеялась и долго не могла успокоиться. Вечером рассказала об этом случае моей маме, но та пояснила, что это лучше, чем если ребёнок будет ныть, что нет у него того или иного. И обе пришли к согласию. Потом,

во всё время проживания моего в бараке, мы устраивали «пиршества», добавив к этому и сказочного Джина, который «обслуживал» нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.